

Ирина ВАСИЛЕНКО

– доктор политических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Победить в информационной войне может та страна, которая выстроит в информационном пространстве и предложит своим гражданам яркий символический проект национальной идеи – систему национальных приоритетов, идей и традиций, которые для большинства окажутся более значимыми, чем любые информационные воздействия и соблазны извне.

Информационная война как фактор мировой политики

Выдающийся военный теоретик прошлого Карл Клаузевиц определял войну как «столкновение двух живых сил», конечной целью которого является «сокрушение противника» [1]. Он с нескрываемой иронией относился к «филантропам», которые воображали, что возможно обезоружить и сокрушить противника искусственным образом, без особого кровопролития. В то суровое время введение в философию войны принципа ограничения и умеренности представлялось полнейшим абсурдом.

Однако спустя два столетия взгляды на философию войны коренным образом изменились. Одним из первых в открытой печати о феномене информационных войн написал М. Маклюен в 60-х годах XX века. Уже тогда было понятно, что холодная война ведется с помощью информационных технологий. Если «горячие» войны прошлого использовали оружие, выводящее врагов по очереди, одного за другим, то информационное убеждение с помощью кино и телевидения работает, напротив, за счет того, что окунает все население в новый мир воображения: уплотненный силой электричества, «земной шар теперь – не более чем деревня» [2, с.7].

Но самое главное состоит в том, что новые информационные технологии, если их рассматривать как оружие, способны обернуться для человечества тотальной катастрофой, поскольку как инструмент политики информационная война означает существование одного общества ценой исключения другого.

При этом интеллектуальная драма информационного общества состоит в том, что власть в нем внезапно попала в руки ... интеллектуалов. Долгое время отлученные от власти и еще со времен Вольтера находившиеся в оппозиции, интеллектуалы теперь оказались призванными на службу в высшие эшелоны власти, в центры принятия решений.

М. Маклюен надеялся на то, что скорость электричества, собрав воедино все социальные и политические функции в средствах массовой информации, беспрецедентно повысит осознание человеком своей ответственности. Как наивно звучат сегодня его слова о том, что благодаря электронным СМИ мы будем «глубоко уча-

ствовать в последствиях каждого своего действия» и лишимся способности действовать ни на что не реагируя.

Но, к сожалению, спустя всего полвека совершенно очевидно: каждое изобретение нового оружия становится для общества очередной катастрофой, и прав был не М. Маклюен, а А. Тойнби, который рассматривал войну как процесс достижения равновесия между неравными технологиями, что ведет цивилизации к милитаризму и обычно заканчивается их крахом.

Однако одно замечание М. Маклюена все-таки стало пророческим. Он предвидел, что «отсталые» страны могут научиться у технически «передовых», как нанести им сокрушительное поражение: поскольку в традиционных обществах осталась привычка к пониманию устной пропаганды и убеждения, тогда как в высокоразвитых индустриальных культурах эта привычка давно уже выветрилась: «Русским достаточно адаптировать свои традиции восточной иконы и построения образа к новым электрическим средствам коммуникации, чтобы быть агрессивно эффективными в современном мире информации» [2, с.394]. К сожалению, мы все еще не воспользовались этой плодотворной идеей.

«ВОЙНА», «ПРОТИВОБОРСТВО» ИЛИ «ВОЗДЕЙСТВИЕ»?

В XXI веке геополитики стали давать очень узкую интерпретацию понятию «информационная война». Весьма показательно, как, например, определяет информационное противоборство Л.Г. Ивашов: «Информационное противоборство как форма геополитического противоборства есть совокупность отношений информационной защиты и информационного соперничества противостоящих геополитических субъектов» [3].

В эпоху глобализации информационное противоборство в геополитике рассматривается в значительно более широком контексте, выходя за рамки информационного соперничества противостоящих геополитических субъектов, поскольку битва идет за умы и сердца большинства человечества.

Поэтому, на мой взгляд, более точное определение современной информационной войны можно дать в предельно широком плане: *информационная война – это планомерное информационное воздействие на всю инфокоммуникационную систему противника и нейтральные государства с целью формирования благоприятной глобальной информационной среды для проведения любых политических и геополитических операций, обеспечивающих максимальный контроль над пространством.*

Определение информационной войны как войны гражданской вполне правомерно, поскольку информационные технологии хозяйничают у нас дома, заставляя каждого быть повышенно восприимчивым к одним идеям, но оставаться глухим, слепым и бесчувственным к другим. Задача состоит в том, чтобы разрушить взгляды и мировоззрение людей, изнутри подрывая социум. И самая большая опасность – информационный враг совершенно невидим и абсолютно неизвестен.

Обычно общественность реагирует на СМИ по поводу того, как и кем они используются. Но, по остроумному замечанию того же М. Маклюена, содержание сообщения средства массовой коммуникации, подобно сочному куску мяса, который приносит с собою вор, чтобы усыпить бдительность сторожевого пса нашего разума [2, с.22].

Под воздействием СМИ видимый мир перестал быть реальностью, превратившись в виртуальный, целиком сконструированный вымысел, созданный профессиональными технологами. И уже само восприятие или созерцание этого нового символического мира, а также использование виртуальных технологий, делает людей похожими на них. В эпоху информационных войн порочный круг замыкается: те, кто занимаются информационными манипуляциями, становятся первыми жертвами этих бескровных операций и вскоре уже не в состоянии отличить вымысел от реальности, поскольку лжец должен верить в созданный им вымысел.

При этом каждое новое изобретение и каждый новый информационный фантом вызывают в человеке что-то вроде культурного шока, некоей слепоты или блокировки сознания. Этот факт был известен еще древним античным философам, которые полагали, что творческий процесс сопровождается, помимо прочего, особого рода слепотой: как было с царем Эдипом, решившим загадку Сфинкса. Любой информационный фантом, основанный на сенсационности, вызывает первоначально эффект всеобщего «ослепления» новой яркой идеей, что и лежит в основе манипулятивных технологий информационных войн.

С этой точки зрения создание эффективной защиты от информационных технологий – контрсуггестии – зависит в значительной степени от того, удастся ли сохранить равновесие между все возрастающей мощью информационных технологий и способностью человека к индивидуальным реакциям. Исследования психологов подтвердили весьма опасную тенденцию: молодые люди, с детства погруженные в мир телевидения и других аудиовизуальных СМИ, неудержимым образом впитывают страсть к глубокому вовлечению в виртуальный мир, что заставляет из воспринимать все остальные цели обычной культуры как незначительные и даже нереальные. Электронные СМИ (особенно телевидение) способны создавать одновременно и эффект глубокого вовлечения и эффект оцепенения. Человек информационного общества может лишиться умения заглядывать в будущее, поскольку в нем чрезмерно развивается страсть к вовлечению, что делает его послушным объектом информационных технологий. Поэтому молодежь как объект манипуляций гораздо более восприимчивое поколение, чем люди среднего и старшего возраста, сформировавшиеся в культуре письменного текста.

Современная концепция информационной войны во многом возникла по аналогии с созданием эффекта гипнотического внушения по отношению к отдельному человеку.

Современные теоретики информационной войны по аналогии с методом гипноза предлагают такую концептуальную схему информационного противоборства:

- расслабить общество, внушив через СМИ, что врагов больше нет и не будет, и для отвлечения обсуждать отдельные незначительные темы – исторические периоды, интересы отдельных малых народностей (цель: общество как целое должно исчезнуть в качестве объекта сознания);

- вынудить людей слушать только противника, например через пропаганду его образа жизни, исключив опыт любых других стран и народов;

- заставить общество не размышлять над тем, что говорит противник; для этого исключить из СМИ серьезные аналитические передачи, сделав акцент на ярких развлекательных шоу;

- сосредоточить внимание общественности на каком-то отдельном предмете, помимо направленного манипуляционного потока, например на терроризме, чтобы подсистема защиты, ответственная за обработку информации, не выполняла свою функцию и как бы расстраивалась;

- постоянно внушать, что само общество становится все лучше и лучше, чтобы снизить критические способности людей [4].

Цель – создание пассивного состояния общественного сознания, при котором сохраняется возможность зависимости от информационного воздействия противника.

«ПРОГРАММИРУЮЩЕЕ ЛИДЕРСТВО»

Вопрос о том, что представляет собой информационное оружие, заслуживает отдельного внимания. Многие эксперты считают, что информационное оружие – это средства искажения, уничтожения и хищения информации; средства преодоления систем защиты; средства ограничения доступа отдельных пользователей; средства дезорганизации действия технических средств, компьютерных систем.

Атакующим информационным оружием при этом считают: компьютерные вирусы; логические бомбы (программные закладки); средства подавления информационного обмена и фальсификации информации; средства нейтрализации текстовых программ; различного рода ошибки, сознательно вводимые в программное обеспечение [5].

Однако, если учесть, что пропаганда собственного образа жизни является одним из самых важных направлений современной информационной войны, такое узкое определение информационного оружия не дает возможности представить весь арсенал современных информационных средств. На наш взгляд, основанием определения информационного оружия служат выводы об использовании информационных технологий и информации для разрушительного воздействия на информационные системы и менталитет противника.

Информационное оружие обладает целым рядом новых особенностей. Трудно согласиться с авторами, которые считают его мощнее ядерного, поскольку у них разные цели поражения. Гораздо важнее, что оно имеет ярко выраженный *наступательный характер*, поскольку эффект информационного удара заложен в его *превентивности*. Именно это свойство информационного оружия во многом определяет лицо информационной войны и позволяет сразу выявить информационного агрессора.

Наступательность такого оружия позволяет измерить *потенциал агрессивности*, если определить объем информации, целенаправленно транслируемый от одной страны к другой.

Эффект внезапности, превентивности информационного удара заложен в концепции глобального информационного лидерства США, которую эксперты весьма точно охарактеризовали как *«программирующее лидерство»* [6]. Эта стратегия сформировалась в начале 90-х годов прошлого века, в период правления Билла Клинтона, эффективно реализовывалась правительством Дж. Буша. Стратегия «программирующего лидерства» состоит в выдвижении международной повестки дня, включающей формулировку актуальных проблем в наиболее выигрышном для лидера формате, что предполагает некоторый спектр совместных действий ряда государств под его руководством и в его интересах.

Стратегия «программирующего лидерства» базируется на нескольких основных принципах:

- опережающее внешнеполитическое планирование и вброс в политический дискурс идей и концепций, воплощение в жизнь которых отвечает интересам лидера;

- опережающее формулирование основополагающих целей международной повестки дня в выгодном для лидера ракурсе;

- решительное дистанцирование от «чужой игры» и игнорирование целей других субъектов мировой политики;

- искусственное создание лидером условий, подталкивающих партнеров к инкорпорированию предлагаемой повестки дня в их внешнеполитические программы.

Достаточно ярким примером последних лет является вброс в политический дискурс таких идей и концепций, как «столкновение цивилизаций» и «борьба с терроризмом», которые послужили основой для последующего программирования операций в Югославии, Афганистане и Ираке. Авторитетный журнал «Foreign Affairs» опубликовал материалы, позволяющие предположить, что в Югославии были срежиссированы проблемы, связанные с албанскими этническими меньшинствами на Балканах, что затем «потребовало» «гуманитарных» бомбардировок и решительного вмеша-

тельства США в югославский кризис. Несколько позже в Ираке были «организованы» проблемы, связанные с поисками ядерного арсенала Саддама Хусейна, который после антитеррористической операции США так никому и не удалось отыскать.

Инновационным фактором в среде вооружений является то, что долговременная эффективность информационного оружия во многом обратно пропорциональна его агрессивности: чем мягче методы информационного воздействия, тем они коварнее и разрушительнее в исторической перспективе. Компьютерные вирусы и логические бомбы действуют непосредственно и агрессивно, но их можно достаточно быстро и эффективно обезвредить. Воздействие на эмоции, чувства и мысли людей коварно и незаметно разрушает социум изнутри, и эти разрушения зачастую невосполнимы.

Важным фактором применения информационного оружия является принцип его тайного, незаметного использования. А. Зиновьев, описывая действие «бомбы западнизации» в России, подчеркивает: «Идеологически и в пропаганде это изображается как гуманная, бескорыстная и освободительная миссия Запада, который при этом изображается средоточием всех мыслимых добродетелей... намеченная жертва должна сама полезть в пасть да еще при этом испытывать благодарность. Для этого и существует мощная система соблазнов и идеологическая обработка... Это – на словах. А на деле западнизация ... имеет реальной целью довести намеченные жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способность к самостоятельному существованию и развитию, включить их в сферу влияния и эксплуатации западных стран, присоединить их к западному миру не в роли равноправных и равномощных партнеров, а в роли зоны колонизации» [7].

УСТАНОВКА НА САМОРАЗРУШЕНИЕ

Пропаганда собственного образа жизни и дискредитация системы ценностей противника включают механизмы саморазрушения мягко и незаметно. Информационная стратегия может быть представлена в виде следующего алгоритма:

- дискредитация всех основных атрибутов общественного устройства: вывод из строя системы управления;

- включение механизмов экономического саморазрушения: создание системы экономического управления через международные институты и финансовые программы «помощи»;

- перепрограммирование населения на новый образ жизни с помощью пропаганды новой системы ценностей: массированное распространение через СМИ;

- поддержка любых оппозиционных движений, подкуп элиты: раскол населения на враждующие группы, состояние хаоса и гражданской войны;

- маскировка образа агрессора как бескорыстного «спасителя» страны от язв и пороков прежнего «тоталитарного» образа жизни.

Таким образом, важнейшим *принципом ведения информационной войны* является стремление агрессора непрерывно расширять контролируемое информационное пространство, действуя в обход сложившихся моральных норм и правил, сознательно нарушая все социальные ограничения и размывая нравственные установки. При этом СМИ концентрируют внимание на эпатажных фактах, обнародуют конфиденциальные сведения из личной жизни публичных политиков, ведут скандальные «расследования», сознательно фальсифицируя информацию, смакуя «пикантные» подробности. Задача состоит в том, чтобы активизировать подкорковые центры человека, включив механизм манипулирования чувствами и эмоциями людей, что является основой управления психологией толпы.

Одновременно стратегия информационной войны предполагает организацию сопротивления информационным действиям противника, включая жесткий запрет на распространение альтернативной информации. Известно, например, что во время военных операций в Афганистане и Ираке американцы жестко контролировали информационный поток, подвергали бомбардировкам радиостанцию «Аль-Джазира», которая вела антиамериканскую пропаганду, чтобы не допустить «утечки информации» с поля боевых действий.

Несомненно, самым важным является вопрос о том, как выиграть в информационной войне, стратегии которой становятся все более изощренными и глобальными. Весьма распространено мнение, что в войне победит тот, у кого лучше окажутся программисты.

Однако в информационной войне, которая ведется за умы и сердца людей, технические средства, при всей их показной и все возрастающей мощи, все-таки являются средством, а не целью. Чем больше информационная система рассредоточивается в мире, разбрасывая свои сети, тем более она становится уязвимой технически в любой точке этой сети. Известен случай с вирусом «I love you», который облетел весь мир, опустошив целые сети, – его запустил никому прежде не известный хакер-филиппинец со своего персонального компьютера.

Но не технический коллапс является целью информационных войн. Их назначение – глобальное наблюдение за пространством путем контроля над умами людей. Легитимность любой власти, в том числе и информационной, – это проблема добровольного принятия этой власти большинством. Напомним, что средство информации есть прежде всего сообщение, поэтому в век информации власть слова снова обрела поистине библейское значение.

Еще одна весьма распространенная точка зрения состоит в том, что к победе в информационной войне может прийти тот, кто постоянно атакует и усиливает давление. Этот важный вывод возник под влиянием поражения СССР в холодной войне, одной из причин которой справедливо называют идеологический «застой» последних лет. Специалисты с сожалением констатиру-

ют, что многие серьезные открытия в области информациологии, сделанные советскими учеными в период холодной войны так и остались невостребованными, как это произошло, например, с книгой известного математика В.А. Лефевра «Конфликтующие структуры» (1967), в которой рассматривались новые эвристические подходы к ведению информационных войн.

Однако принцип наступательности и агрессивности в информационной войне все-таки имеет свои пределы. Здесь уместно вспомнить о феномене обращения «перегретого» средства коммуникации в свою противоположность, который исследовал М. Маклюен. В любом средстве коммуникации есть то, что принято называть «границей прорыва», когда система внезапно превращается в другую. Этот феномен присущ не только СМИ: еще древние философы отмечали способность вещей обращаться в свою противоположность в процессе эволюции (Гераклит).

Напомним, что в СССР была создана самая мощная на тот исторический период система коммунистической пропаганды, которая в условиях «железного занавеса» практически монопольно влияла на каждого человека. И такая массированная пропаганда оказалась чреватой эффектом контрсуггестии – общество постепенно выработало мощный иммунитет в ответ на штампы коммунистических лозунгов: смеховая народная культура противопоставила им анекдоты и частушки о кремлевских вождях. Другими словами, система «перегрелась» и обратилась в свою противоположность, начав саморазрушаться. Поэтому эффект непрерывного контрнаступления – это обоюдоострое оружие, которое способно смертельно поразить самого нападающего.

И здесь необходимо напомнить, что каждое новое средство коммуникации – это, помимо всего прочего, еще и мощный прием нападения на другие средства коммуникации. А. Тойнби, исследовавший вызовы и ответы в истории цивилизаций, приводившие к их развитию и гибели, справедливо отметил: когда технологии эпохи очень сильно подталкивают в одном направлении, мудрость вправе потребовать уравновешивающего подталкивания в другом. Эффективный ответ на вызов эпохи не может лежать в той же самой плоскости: иначе враждующие системы просто «взорвут» друг друга.

ОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА – МОНОЦЕРЕБРАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Китайская мудрость гласит: «У того, кто применяет машину, дела идут механически, у того, чьи дела идут механически, сердце становится механическим. Тот, у кого в груди механическое сердце, утрачивает целостность чистой простоты. Кто утратил целостность чистой простоты, тот не утвердился в жизни разума. Того, кто не утвердился в жизни разума, не станет поддерживать путь» [8].

Первыми ответ на вызов эпохи всегда находили художники. После появления телевидения они неожиданно почувствовали потребность в личном контакте с аудиторией. Телевидение своей моделью глу-

Национальная безопасность.

Глобальные вызовы, угрозы и опасности современности. Приоритеты политики обеспечения национальной безопасности России / Возженников Анатолий Васильевич [и др.]; под общ. ред. А.В. Возженикова; РАГС при Президенте РФ . - М.: Изд-во РАГС, 2008. - 222 с.	Предлагаемая работа – авторский взгляд на трансформацию вызовов, угроз и опасностей для современных государств, развивающихся под воздействием глобализационных процессов. Вызовы для национальной и международной безопасности видятся авторами в непосредственной динамике глобального развития и в набирающей силу изменчивости национальных интересов государств. Угрозы и опасности представляются как производные общественного развития и нарастания конфронтационности в национальных интересах в связи с ограниченностью ресурсов для дальнейшего прогрессивного развития.
Исламизм и геополитическая безопасность России: военно-теоретический труд / В.П. Баранов [и др.]; Главное командование внутренних войск МВД России, Ин-т военной истории М-ва обороны РФ. - М., 2008. - 382 с.	Военно-теоретический труд «Исламизм и геополитическая безопасность России» выполнен авторским коллективом Главного командования внутренних войск МВД России и Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации. Представленный в работе материал должен помочь глубже познать процессы, происходящие в исламском мире, вскрыть закономерности, тенденции и эволюцию исламского насилия, показать философию и психологию религиозного экстремизма, определить возможные формы и методы его искоренения.
Россия и мировой опыт концептуального обеспечения национальной безопасности / руководитель работы А.Г. Савельев, редактор С.К. Ознобищев [и др.] ; Российская академия наук; Институт мировой экономики и международных отношений. - М.: ИМЭМО РАН, 2008. – 131 с.	Авторы анализируют политику различных стран мира в области обеспечения национальной безопасности, подробно рассматривают основные постулаты национальных документов в этой сфере. На базе сделанного анализа предлагаются практические рекомендации, направленные на повышение эффективности выработки решений в сфере безопасности.

бокого, но пассивного участия побудило молодых поэтов читать свои стихи в кафе, поскольку устное слово драматически, а не пассивно захватывает все человеческое существо.

Следовательно, достаточно эффективным ответом на вызов электронных СМИ может быть восстановление личных контактов с аудиторией, что широко используется сегодня во время избирательных кампаний. Не случайно информационная эпоха, тиражирующая массовую культуру, так высоко ценит харизматические пассионарные личности: известно, что во время политических выборов избиратели голосуют за кандидата, а не за партию. Сегодня как никогда велико внимание к выдающимся личностям и их роли в истории.

Высокоэффективные новые технологии победы в информационном противоборстве рождаются также на пути гибридного смешения или встречи разных коммуникативных систем, которые взаимно усиливают друг друга: так, соединение технологий шоу-концерта с политическими технологиями избирательной кампании дало новый эффект «бархатных революций». Современные системные исследования программируют гибридный принцип как метод творческого открытия, что позволяет увидеть в процессе пересечения двух средств коммуникации творческое рождение новой формы.

Но наиболее глубоко к анализу вызовов информационной революции подошел Э. Фромм в своем фундаментальном труде «Анатомия человеческой деструктивности» [9]. Он обратил внимание на то, что человеку как существу, взыскующему смысла, важно опереться на определенную систему нравственных координат – разделить добро и зло, – чтобы противостоять внешним обстоятельствам. Когда человек четко идентифицирует себя с конкретной средой, видит себя частью какой-то группы или коллектива, он «обрастает нравственными корнями», поскольку общество предлагает ему определенную систему координат, которая помогает всем сообща выжить в самых сложных ситуациях.

Не случайно меньше всего поддаются манипулированию люди с четко выраженной социальной и политической позицией, поскольку манипулятивные воздействия обратно пропорциональны социокультурной идентичности, образованности, групповой солидарности, партийной принадлежности. Именно поэтому в выработке коллективной контрсуггестии особое значение имеет система воспитания и образования, развивающая гражданские качества, патриотизм, любовь к Родине. Особую роль в развитии коллективной идентичности играет национальная идея – система ценностных установок общества, в которых выражается самосознание народа и задаются цели личного и национального развития в исторической перспективе.

С этой точки зрения победить в информационной войне может та страна, которая выстроит в информационном пространстве и предложит своим гражданам яркий символический проект национальной идеи – собственную систему приоритетов, идей и традиций, которые для большинства окажутся более значимыми, чем любые информационные воздействия и соблазны извне. При этом в глобальном контексте информаци-

Что читать

Черников Г.П. Очень крупные транснациональные корпорации и современный мир / Черников Геннадий Павлович, Черникова Диана Александровна. - М.: Экономика, 2008.- 398 с.	Книга посвящена крупнейшим транснациональным корпорациям и их роли в глобализирующейся экономике. В ней объясняются причины бурного развития этих очень крупных корпораций (ОКК) в конце XX-начале XXI в., их роль в отдельных регионах и странах, а также в важнейших отраслях мировой экономики. Проанализированы взаимоотношения ОКК с государством и другими субъектами экономической деятельности, воздействие ОКК на решение важнейших проблем человечества на современном этапе: экологию, энергетическую и военную безопасность, социальную ответственность корпораций, развитие «третьего мира». Особое внимание уделено деятельности крупнейших корпораций России. Авторы стремились соединить строго научный подход к анализу деятельности ОКК с яркой и популярной формой изложения, чтобы книга представляла интерес не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.
Макаренко Д.И. Концептуальное моделирование военной безопасности государства / Д.И. Макаренко, Е.Ю. Хрусталев; РАН; Центральный экономико-математический ин-т; Институт проблем управления. - М.: Наука, 2008. - 303 с.	В книге показана роль военной безопасности государства в достижении целей социально-экономического прогресса в условиях глобализации мирового развития, дан анализ состояния российского оборонно-промышленного комплекса и оценка его возможностей по реализации планов развития современного вооружения и военной техники. Рассмотрены информационные технологии и методы концептуального моделирования различных военно-экономических объектов и развития наукоемкой промышленности, производящей продукцию военного назначения. Изложены теоретические основы гипертекстовой и когнитивной технологий, предложены их автоматизированные варианты, описана процедура построения концептуальных моделей. На основе применения компьютерного инструментария концептуального моделирования, а также текстологических методов извлечения знаний разработаны и исследованы формализованные макропредставления различных оборонно-промышленных объектов.

онного пространства чрезвычайно важно, чтобы провозглашенные национальные цели и приоритеты были признаны остальным сообществом как гуманные.

Понятно почему одной из главных мишеней разрушения в постсоветской России стала система образования и науки (вымывание из школьных программ идей гражданственности и патриотизма).

Э. Фромм обратил внимание на канал «перегревания» западных СМИ, который неминуемо ведет к саморазрушению западного общества, как когда-то произошло с бывшим СССР. Критикуя западный проект научно-технической революции, он отметил, что логика информационного общества ведет к доминированию «моноцеребрального человека» – человека одного измерения, и сегодня это измерение виртуальное. Моноцеребральный кибернетический человек решает проблему экзистенциальных потребностей принципиально по-другому: он вступает в отношения исключительно с самим собой и с неодушевленными предметами потребления, проявляя крайний нарциссизм. В результате он становится для себя целым миром и любит целый мир в себе самом: общество его больше не интересует.

Но современная психология доказала, что нарциссизм как психологическая установка весьма опасен: в экстремальном варианте он ведет к деструктивному желанию уничтожить всех остальных людей.

Кибернетический человек отворачивается от живого мира – от людей, от природы, от идей – и все свое внимание устремляет на мир искусственный – на предметы, вещи, машины, механизмы, автоматы. Для него весь мир превращен в объект купли-продажи, в совокупность артефактов. Лицо такого человека неизменно обращено к экрану – он хочет созерцать не живой мир, а сверкающие автоматические конструкции из стали, стекла и алюминия. Моноцеребральная личность настолько сильно вписана в современную автоматизированную систему, что механизмы становятся объектом ее нарциссизма: современный человек обожает свои машины не меньше, чем самого себя.

Э. Фромм одним из первых поставил диагноз моноцеребральному кибернетическому человеку, назвав его аутистом – больной личностью больного мира. Отличительные черты аутизма – неразличение живой и неживой материи, отсутствие привязанности (любви) к другим людям, использование языка не для общения, а для манипуляции, а также преимущественный интерес не к людям, а к машинам и механизмам. Если патологические процессы распространяются на все общество, то они теряют индивидуальный характер: тогда вся культура настраивается на этот тип патологии и находит пути и средства для ее удовлетворения [9, с. 467-468].

Однако, помимо психологического, есть и политическое измерение такой общественной патологии: распад гражданского общества, утрата социально-политических связей, отсутствие интереса к политике и деструктивные формы протеста. Не случайно во всех развитых странах мира сегодня в среднем на выборы приходят около 53% избирателей, неуклонно растет процент тех, кто голосует «против всех», и особенно велико число аполитичных граждан среди молодежи.

Поэтому сейчас так актуальны слова М. Маклюена о преимуществах традиционных обществ в информационной войне. Его алгоритм победы в информационном противоборстве по-прежнему актуален: чтобы быть агрессивно эффективными в современном мире информации, необходимо активизировать в сознании людей национальную систему приоритетов, создать яркий образ национальной идеи, адаптировать традиции восточной иконы к новым средствам коммуникации. Другими словами, источником победы в информационной войне может быть только символический капитал русской культуры, многократно усиленный современными высокими технологиями.

Литература

1. *Клаузевиц К.* О войне. М.: Логос, 1998. С.38.
2. *Маклюен М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. Москва-Жуковский: Канон-Пресс-ц, 2003.
3. *Ивашов Л.Г.* Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России. М., 2002. С.199.
4. *Расторгуев С.П.* Философия информационной войны. М.: Вузовская книга, 2001. С.147.
5. *Черешкин Д.С., Смолян Г.Л., Цыгичко В.Н.* Реалии информационной войны // Конфидент. 1996. № 4. С.22.
6. *Троицкий М.* Концепция “программирующего лидерства” в евроатлантической стратегии США // Pro et Contra. Внешняя политика нового века. Осень 2002. С.87.
7. *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. С.629-630.
8. Мудрецы Китая. Спб.: Лань, 1994. С.197-198.
9. *Фромм Э.* Анатомиогочеловеческой деструктивности. М.: Аст, 1998.

В следующем номере:

«Геополитическое давление, с какой бы стороны оно ни производилось, не является следствием чьей-то целенаправленной деятельности. Геополитическое давление – процесс, носящий природный характер в той же степени, как атмосферное давление. Стратегия национальной безопасности в первую очередь является планом регулирования геополитического давления, поэтому сроки действия этой стратегии – до 2020 года – имеют смысл только в том случае, если подразумевается ее прямое продолжение на последующие сроки».

Е.Ф. МОРОЗОВ, военный политолог